

вергся со стороны «гения», сообщает далее: «Подобное обращение, наконец, показалось мне невыносимым, хотя бы даже со стороны гения: собрав мужество, я схватил повисшую мне под руку солонку и вывернул ее в голову незнакомцу; но он отклонился, и солонка, пролетев над его головой, ударилась в стоявшие на камне часы и разбила их стекло».¹⁵

У Достоевского: «Гость говорил, очевидно увлекаясь своим красноречием, всё более и более возвышая голос и насмешливо поглядывая на хозяина; но ему не удалось докончить: Иван вдруг схватил со стола стакан и с размаху пустил в оратора» (15, 84).

Правда, Достоевский далее связывает жест Ивана с «Лютеровой чернильницей».¹⁶ Но об этом сохраненном предании эпизоде биографии Лютера Достоевский мог вспомнить и по ассоциации, читая рассказ Э. По.

Таким образом, можно утверждать, что некоторые детали сюжета, общий стиль повествования и манера воспроизведения разговоров героев с фантастическими образами у По и у Достоевского во многом близки. Конечно, при этом нужно иметь в виду, что рассказ По — шутка: An Extravaganza, по его собственному определению, т. е. нечто необычное, экстравагантное. Поэтому, создавая «гения фантазии», или, точнее, «ангела из ряда вои выходящего», Эдгар По не претендовал на ту глубину философского и психологического обобщения, которая присуща черте в романе Достоевского.

Уже отмечалось, что Достоевский, работая над образом черта, опирался на западную и русскую литературную традицию (об этом см.: 15, 466, 468). В числе многих его предшественников, думается, следует назвать и Э. По.

2. Лексикологическая заметка: «пачкать» или «пичкать»?

В «Братьях Карамазовых» приезжий знаменитый московский врач спрашивал своих пациентов, имея в виду местного коллегу, лечение которого он «с чрезвычайною резкостью окритиковал везде»: «Ну, кто вас здесь пачкал, Герцештубе? хе-хе!» (15, 103). При подготовке романа к печати у текстологов возник вопрос, не опечатка ли, может быть, следует поправить на «пичкать», т. е. «пичкать» лекарствами? Однако во всех известных источниках текста «Братьев Карамазовых» было «пачкать», поэтому оснований для изменения этого необычного словоупотребления не было. Между тем в данном случае Достоевский не сам придумал это выражение: оно запомнилось ему при чтении второго тома воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет».

¹⁵ Там же.

¹⁶ По позднему апокрифическому сказанию, Лютер бросил в искушавшего его дьявола чернильницу (см.: 15, 84, 596).

Книга эта вышла в Петербурге в 1879 г. и тогда же была подарена писателю с подписью: «Фодору Михайловичу Достоевскому в знак глубочайшего уважения от Т. Пассек 1879 года 22 ноября».¹

В главе 39 («Москва (1839—1842)») Т. П. Пассек рассказывает о московском кружке Герцеса, одним из членов которого был Николай Христофорович Кетчер (1806—1886) — врач по образованию и переводчик по призванию. Т. П. Пассек о нем пишет: «Где бы друзья ни собирались, распорядителем был Николай Христофорович. Он откупоривал бутылки, он наливал вино, он паблюдал черед. Голос его покрывал все голоса. В экстазе он кричал: „Я как доктор — защищаю вино“, на это Александр замечал обыкновенно, что он не верит в его медицинские знания <...> Николай Христофорович не любил практики и не занимался ею. Если кто из нашего круга занемогал и обращался к нему за советом, он обыкновенно говорил: „Вы выдумываете себе болезнь и любите пачкаться“».² Не исключено, что и Кетчер, и Достоевский, употребив слово «пачкать», имели в виду другой его смысл, зарегистрированный в «Толковом словаре» Даля: «...делать дурно и грязно, как пи попало». Там же приведен и соответствующий пример: «Она не стряпает, а пачкает обед», т. е. плохо его готовит, портит.³

Приведенный факт — один из частных эпизодов творческой истории «Братьев Карамазовых», однако он еще раз демонстрирует, с каким вниманием относился Достоевский к речевой характеристике своих персонажей, как он умел услышать, запомнить и с большим художественным эффектом применить «метко сказанное русское слово».⁴

В. В. ДУДКИН

Э. ЗОЛЯ О РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Появление в 1884 г. французского перевода романа Достоевского «Преступление и наказание» стало событием в литературной жизни Франции.

Но еще до публикации перевода в литературных кругах были информированы как о романе, так и об его авторе. Это подтверждает письмо Э. Золя немецкому переводчику «Преступления и

¹ Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957, с. 526.

² Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. СПб., 1879, с. 325. — Несмотря на то что и в первой журнальной публикации воспоминаний также было «любите пачкаться» (Рус. старина, 1877, № 4, с. 680), редактор современного издания счел это за опечатку и исправил на «любите пичкаться» (см.: Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963, т. 2, с. 279).

³ Даль В. Толковый словарь. СПб.; М., 1882, т. 3, с. 27.

⁴ Гоголь П. В. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 6, с. 109.

показание» В. Генкелью. Приводим полностью текст письма, поскольку на русском языке оно публикуется впервые:

«Медан, 18 апреля 1884 г. Москве, я задержался с ответом на ваше письмо от 23 декабря 1883 г., потому что хотел дать вам положительный ответ относительно русского романа, который вы мне рекомендовали. Меня заверили, что он действительно представляет собой одно из выдающихся литературных явлений, но я натолкнулся на полное равнодушие у тех издателей, с которыми заводил о нем разговор. Они уверяли, что во Франции не находят сбыта переводные книги. Так оно и есть на самом деле. Я думаю, нужно подождать. И тем не менее я вам признателен за то, что вы обратили внимание на это произведение. Примите завершение в совершенном моем почтении».¹

Письмо Э. Золя примечательно также и тем, что в нем словно запрограммирован двойственный характер раннего восприятия Достоевского во Франции. С одной стороны, безоговорочное признание крупного писателя-реалиста, а с другой — осторожность, недоверие к Достоевскому-художнику, новаторство которого французская критика не сразу сумела оценить.

Э.-М. де Вогюэ, как известно, воздав должное русским писателям как создателям реализма более высокого типа, чем французский, отказывал им в то же время в умении строить композицию, сетовал на бесконечные повторы и длинноты в их книгах, на их чрезмерный объем. Роман «Братья Карамазовы», например, показался Вогюэ «бесконечной историей», которую даже в России немногие смогли прочесть до конца.² Однажды упомянутый выше Генкель присутствовал на репетиции спектакля по роману «Преступление и наказание» в парижском театре «Одеон» и стал там невольным свидетелем беседы каких-то двух «молодых французских писателей». «Вот уже два года, говорил один, как в нашем обществе вошло в моду говорить о русской литературе. Имена Достоевского и Толстого не сходят с уст, но кто их читает? И у меня есть этот „Раскольник“, но пока он еще даже не разрезан; А я, — отвечает другой, — вот уже целый год читаю „Войну и мир“ Толстого, открывая книгу наугад, но не в состоянии одолеть больше нескольких страниц. Это прекрасно, но — боже! — как длинно!».³

¹ Henckel W. Dostojewskijs «Raskolnikow» auf der französischen Bühne. — Das Magazin für die Literatur des In- und Auslandes, 1888, 57. Jg., № 45, S. 708.

² Vogüé F. M. Le roman russe. Paris, 1886, p. 265.

³ Henckel W. Dostojewskijs «Raskolnikow»..., S. 708.

ДВА ПИСЬМА А. П. СУСЛОВОЙ К Я. П. ПОЛОЦКОМУ

(Публикация Г. Л. Боград)

1

А. П. Суслова — Я. П. Полоцкому

11 апреля 1863 г. Париж

Яков Петрович!

Я все собиралась писать вам и все откладывала со дня на день, думая найти сообщить вам что-нибудь интересное, но этого должно быть долго ждать. Я почти нигде не была, ничего не видала и думаю оставить осматривать Париж до приезда Федора Михайловича. Теперь я хочу хорошенько заняться языком. Я вам очень благодарна за давшие мне письма; Тургенев я не застала, он уехал в Вадеп-Вадеп,¹ а по другому письму была два раза и нахожу это знакомство приятным и полезным. Устюжские² меня приняли прекрасно, дают разные советы и приглашают часто быть у них, чему я очень рада. Я живу у М^{ме} Щелковой, и она мне немалюшко подосела, потому что вмешивается в мои дела. В Брюсселе я не была и нигде по дороге не останавливалась, кроме Берлина, которого тоже не видала. Если вздумаете писать мне, я буду *очень рада*, тем более что, кажется, скоро начну очень скучать. Во всяком случае я довольна моей поездкой, потому что она меня избавила от присутствия людей и мнений, которые мне не нравились, и поможет стать от них более независимо; кроме того, может быть, даст возможность хоть неделю жить так, как хочется; это большое благо и дается нелегко. Если общий смысл жизни не дается, так что по пути к его пониманию встречается бездна сомнений, нужно брать то, в чем уверен. До сих пор я не встречала здесь ни одного человека, сколько-нибудь близкого по мнениям, и думаю, что пропаду со скуки, если не придет Федор Михайлович.

Аполлиария Суслова.

863. Апреля 11. Париж Rue Mazarine № 40

М^{ме} Tchelkoff с передачею мне, впрочем, если вздумаете писать, пишите: Poste restante, потому что перемену квартиру.

Желаю вам наслаждаться Петербургом.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, 12497, № 3, с. 5—6. Аполлиария Прокофьевна Суслова (1840—1918) — близкий друг Ф. М. Достоевского. Печаталась в журналах «Время» и «Эпоха». Сложные отношения Достоевского с А. П. Сусловой и ее своеобразный характер нашли отражение в романах «Игрок» (Полция), «Идиот» (Пастасья Филипповна), «Бесы» (Лиза Тупица), «Братья Карамазовы» (Екатерина Ивановна). Об А. П. Сусловой см.: Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. Дневник; Повесть; Письма. М., 1923; Долинин А. С. Достоевский и Суслова. — В кн.: Достоевский: Статьи и материалы. Л., 1925, 2, с. 150—283;